

Примечание:

Эти заметки, автором коих является бывший некогда неведомым врач М., я приобрёл у него лично, будучи в Швейцарии. Он не желал публикации этой удивляющей истории болезни, но был принуждён обстоятельствами. Я тогда интересовался всякими ~~медицинскими~~ штуками. Однако не могу быть уверен в возможности ознакомить мировую публику с этой в наивысшей степени ~~медицинской~~ штукой. Во-первых, нравственные побуждения не позволяют мне распространять суточино много, но всё-таки тайну. А во-вторых, имеет убеждение, что история может вызвать некоторую реакцию на языке науки называемую з а р а ж е н и е м. Поэтому до моей смерти ругаюсь за нахождение заметок в ящике моего письменного стола, далее же не имею возможности отвечать за их судьбу.

Р.А. Преображенский
1881

Эта история болезни возбудила во мне нестерпимое желание не расставаться с моим пациентом, князем М. Мои книги, последние в своём роде. Обычно я спешу поставить диагноз и назначить болезнью лечение, чтобы поскорее избавиться от него, его недуга и пакки душой с анализами и исследованиями, которыми я после только старинный кашки. Но позвольте же мне рассказать всё сначала. Да-да именно рассказать, а не описать историю болезни таким ненавистным мне медицинским языком. Поэтому уловил ся, что терминологично я якобы не уловил в училище.

Итак, скрывать тот факт, что Лев Николаевич страдает от пядуей болезни или эпиплеши, будучи ещё ребёнком, не

2

представляется возможным. Каждый, кто много знаком с ними или же только наслышан, знает это. Вы удивитесь, но для меня, как для врача, эти случаи большого не представляла ничего интересного: припадки, я полагаю, были вызваны изумительной чувствительностью сердца пациента (пока назовём это так) или стали следствием неудачной наследственности. Как бы то ни было, меня занимала именно эта чувствительность, как я смог выразиться.

Куда никогда и ни при каких обстоятельствах мне не представлялось случая наймодать человека с таким развитым умом сердца. Да-да, это звучит так парадоксально: сердце князя Мышкина было умнее, чем его мозг. И о, как бы мне хотелось, чтобы такая "патология" встречалась как можно чаще! Я не имею представления о том, как ему удаётся узнать человека до того, как он ещё договорит, сделает шаг, совершит некий поступок. Может быть, человек и изобретёт когда-нибудь чудесный путь, который сможет прощупать материю. Но сегодня воплощением этого пути является Лев Николаевич. Сильно предположить, что всё дело в глазах: они "большие, голубые и кристальные". Тот, может, и не всё...

Мне кажется, он знает какую-то тайну. Тайну добра или тайну души. Князь не осознаёт, что перед ним будто открыта закладка Сфинкса, а я видел это явно. Не подозревая этого, он всем своим существом жмётся подешитесь разгадкой. Люди чаще всего не понимают его: иногда шельются, а иногда боятся. Только дети, чьё сердце ещё способно научиться любить, слышат его. Наверное, поэтому я так часто имел счастье наймодать Льва Николаевича среди детей. Я и называл его совершенным ребёнком, встречаясь с

его стороны ощущение, которое, впрочем, не покидало его никогда.

Но это, если можно так выразиться, предистория, которую я наблюдал собственными глазами во время непосредственного лечения моего пациента. Однако, «обострение» произошло с ним несколько позднее, когда он приехал в Петербург, и о чём я был наслышан из третьих уст. Но заранее хочу предупредить вас, дабы не произошло неправомерно понимания моей мысли. Речь я веду о том, что князь Лев Николаевич Мышкин был с рождения бабей добрым, бабей светлостью души. И эта болезнь, к счастью, неизлечимая, к сожалению же, врачи редко прибегают к постановке такого диагноза из-за его отсутствия или из-за собственной невнимательности.

Перейдём же к «обострению» болезни князя. В этом, конечно, можно обвинить возможные обстоятельства, но я шлю смелость взять на себя ответственность за то, что в другой ситуации, сложного характера, Лев Николаевич поступил бы не менее благородно и честно.

В Петербурге судьба распорядилась так, что он познакомился с Настасьей Филипповной сначала по рассказу Карфена Божжина, затем на портрете, а после лично. И сразу князь безвозвратно точно и верно определил её характер, понял её душу и страстно пожелал спасти это нежное, раненое сердце от тех, кто посягал на его чистоту. Возможно, вы увидите в моём замечании некоторую предопределённость, но я опять же полагаю, что маза в этом случае сыграет важнейшую роль: «тёмные, глубокие». Лев Николаевич увидит в лице Настасьи Филипповны страдание, которое ощущает; страдание, которое воскрешает. И

он решил бросить всё к ногам этого страдания, бросить свою жизнь, чтобы помочь её душе воскреснуть. Как Дон Кихот боролся с ветряными мельницами, так князь Мышкин боролся со злом, которое живёт и процветает в мире. Вы только не подумайте, что он делал это целенаправленно. Напротив. Он лишь шёл по дороге добра, которая без его ведома и согласия пересекалась с дорогой зла. Кто-то должен был отступить...

К великому сожалению целого мира, Лев Николаевич напоролся на козл Вогожина. Было бы ничего, если бы Парфен ушёл самого князя, то пашимьял. Но же козл пришёл чуть ниже сердца Настасьи Филипповны. В ту ночь Вогожин ушёл не её одну, он ушёл беспредельно светлую душу Льва Николаевича Мышкина. Для него наступила тьма, а если обратиться к науке — кризис, который стабильно существовал и закрыл мир от сердца князя, а сердце князя — от мира. Мне было до невыносимой степени приятно слышать, что мой пациент, знакомый мне Дон Кихот, потерпел поражение от ветряных мельниц. Силою предполагать, что на сегодняшний день их количество сильно возросло и одно, даже настолько чужое и светлое сердце, как у него, не способно справиться с ними.

Видит Бог, что я не хотел, чтобы моё желание не расставаться с князем было исполнено таким образом. Теперь он уж точно не разлучится со мной, даже если и захочет этого. Но как больно! О, как больно, смотреть мне на этого „графа Тристанова“, хотевшего не воскреснуть, а воскресить! Это в тысячу и в тысячу раз выше. Это поднимает его над всеми нами, кто проживает собственные дни в неведении страдания; в неведении света, ко-

торое всегда проливается через страдание; в неведении
 добра. И каждый раз, когда я смотрю в его глаза, я вижу
 "что-то тихое, но тяжёлое", что заставляет меня вече-
 ром думать о Боге и о спасении. Если вы позволите
 мне быть беспрдельно откровенным, то я позволю вы-
 разить одно убеждение, в которое, благодаря моему паци-
 енту, я уверовал окончательно и, тому надеяться, беспово-
 ротно. Некоторые люди, коих я видел не столь много,
 рождаются с душой, полной добра и света; а некоторые,
 коих я наблюдаю ещё в меньшем количестве, создают
 свою душу, полную добра и света. Именно в таких людях
 живёт Бог, именно в таких людях для нас всех есть
 спасение.

Практикующий врач И.
 1868

Данные заметки были найдены в квартире
 Трейбшвенских и переданы в музей религии
 и культуры

2018